

IX

Романы Камиллы Лэкберг:

Ледяная принцесса (Isprinsessan)

Проповедник (Predikanten)

Вкус пепла (Stenhuggaren)

Запах соли, крики птиц (Olycksfågeln)

Железный крест (Tyskungen)

Письмо от русалки (Sjöjungfrun)

Призрачный маяк (Fyrvaktaren)

Ангелотворец (Änglamakerskan)

Укротитель (Lejontämjaren)

Ведьма (Häxan)

Золотая клетка (En bur av guld)

Серебряные крылья (Vingar av silver)

Романы Камиллы Лэкберг и Хенрика Фексеуса:

Менталист (Box)

(продолжение следует...)

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

ХЕНРИК
ФЕКСЕУС

МЕНТАЛИСТ

Москва
2022

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
Л92

Camilla Läckberg, Henrik Fexeus
BOX

Copyright © 2020 Camilla Läckberg First published
by Bokförlaget Forum, Sweden
Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden.

Иллюстрация на суперобложке *А. Дурасова*

Лэкберг, Камилла.

Л92 Менталист / Камилла Лэкберг, Хенрик Фексеус ;
[перевод с шведского О. Б. Боченковой]. — Москва :
Эксмо, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-159794-8

Кто мог убить в Стокгольме молодую девушку, заперев ее в ящик и пронзив мечами? Полицейские, сделавшие жуткую находку, поначалу считают, что это — результат неудачного фокуса. Поэтому офицер Мина Дабири привлекает к расследованию известного менталиста, иллюзиониста и мастера психологических опытов Винсента Вальдера. Тот хорошо знаком с миром фокусов, и она надеется, что он сможет составить профиль убийцы. Но, как и сама Мина, Винсент не очень ладит с людьми, сотрудничество идет плохо. Тем временем происходит новое загадочное убийство. Похоже, в Стокгольме объявился маньяк, имитирующий знаменитые смертельные трюки...

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

© Боченкова О.Б., перевод на русский
язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-159794-8

Февраль

Тува нервно постукивает пальцами по столешнице. Она все еще на работе, в кафе, где ее уже не должно быть. Посетитель, только что устроившийся за столиком в углу, смотрит на нее с раздражением, и Тува отвечает ему не менее убийственным взглядом. Она его запомнила. В следующий раз он вряд ли сможет рассчитывать на сердечко в своем капучино.

Тува всегда в плохом настроении, когда задерживается на работе, а сегодня она припозднилась как никогда. Заводит за ухо светлую прядь. Скоро полчаса, как нужно было забрать Линуса из детского сада.

К кислым минам воспитателей Тува давно привыкла, но только не к грустным глазам двухлетнего сына. Она ненавидит огорчать детей, Линуса особенно. Тува уже не помнит, сколько раз повторила, что готова умереть за него. Но в действительности не все так просто, как Тува ни старается.

Она снимает передник и бросает в переполненную корзину с грязным бельем в хозяйственном шкафчике. Остается дождаться сменщика. Где же он, черт его возьми?

В тот день, когда родился Линус, Мартина не было рядом с ней. И Тува не винила его в этом, поскольку уехала в роддом на «Скорой» на две недели раньше положенного срока. Правда, ей показалось странным, что Мартин ни разу не навестил в больнице их с сыном. Роды прошли без осложнений, но Тува помнила только докторов, которые время от времени наведывались, чтобы удостовериться

ся, что у нее и Линуса все в порядке. Мартин ограничился короткими СМС-сообщениями. «Я скоро приеду, — писал он. — Вот только улажу кое-какие дела». А Тува в полузабытии представляла себе опустевшую квартиру, куда ей предстоит вернуться с Линусом. Мартин собрал вещи и ушел, пока она рожала их общего сына. Это и были «дела», которые он собирался «уладить». Просто взял и исчез, и с тех пор Тува ничего о нем не слышала.

Так они с Линусом остались вдвоем против всего мира. Не говоря о том, что этот «мир» так часто вклинивался между ними. Вот как сейчас, например. Даниэль сегодня выходит в вечернюю смену и уже с час как должен быть здесь. Но его нет, и Туве приходится звонить ему, чтобы поднять с постели. Половина второго пополудни. Была ли она такой безответственной в двадцать один год? Возможно. Ничего удивительного, что рабочие отношения не складываются. Тува смотрит на наручные часы.

Черт...

Она надевает пуховик, шапку и делает два двойных эспрессо — один в фарфоровой чашке, другой в бумажном стаканчике.

Должно быть, Матти опять дожидается ее в детском саду. Матти — воспитатель, которого Линус уже называет папой. И каждый раз, когда такое случается, Матти смотрит на Туву с упреком. Похоже, он хочет сказать, что Тува должна уделять больше внимания сыну, вместо того чтобы днями напролет пропадать на работе. *Спасибо, Матти, за то, что пробуждаешь во мне нечистую совесть. Как будто недостаточно слез в глазах сына, который вот уже в который раз не может дождаться мамы...*

Тува разливает эспрессо, когда в дверь врывается взъерошенный Даниэль вместе с порывом холодного февральского ветра. Несколько человек в зале демонстративно ежатся, но Даниэлю все равно. Во всяком случае, он не подает вида.

— Вот, — Тува протягивает ему дымящуюся фарфоровую чашку, — тебе это будет кстати, а я убегаю.

Не дожидаясь ответа, она хватается бумажный стаканчик и выбегает на снег, который еще и не думает таять. У дверей едва не сбивает с ног хрупкую пожилую пару.

— Простите, — бормочет Тува, — я опаздываю. Нужно забрать ребенка из детского сада.

— Вот как, но... знаете, дети иногда проявляют поразительную самостоятельность. Они ведь только кажутся такими беспомощными.

Голос ласковый, ни тени упрека.

Тува не отвечает, но радуется, что ее неловкость не вылилась в конфликт. Люди бывают обидчивы до смешного. Сколько раз посетители, на которых она пролила немного кофе, требовали не только оплаты химчистки, но и солидной денежной компенсации. Тува смущенно улыбается пожилой паре. Кофе выплескивается на руку, напоминая, что времени на разговоры нет. Тува извиняется еще раз и спешит в сторону метро, на ходу опорожняя стаканчик. Напиток обжигает рот, желудок. Это как лекарство. Тува чувствует химический привкус, отмечая про себя, что кофейную машину пора чистить. Очень может быть, что в помещении кофе не показался бы ей таким горячим.

Пожалуй, имеет смысл вернуться в кафе после детского сада. Даниэль не пожалеет для Линуса булочек, и это действительно так. К черту макароны с фрикадельками. Завтра утром Тува уезжает, но сегодняшний вечер — их с Линусом.

Она спускается в метро, чувствуя, как подгибаются колени, и хватается за перила, чтобы не упасть. Спотыкается. Тува, конечно, спешит, но не настолько. Совсем не обязательно заявляться в детский сад с синяками. Нужно подниматься, но ноги обмякли, как будто из них вынули кости. Голова кружится. К горлу подступает тошнота, и Тува чувствует, как теряет сознание. Примерно то же было с ней в роддоме после приема лекарств.

Линус. Я иду.

Тува ищет руками перила, но те парят где-то высоко над ее головой. Руки вытянулись почти на километр, и

Тува больше не помнит, зачем ей нужны перила. В глазах пляшут темные пятна, а потом все вокруг кружится, и внутренний голос говорит Туве, что она падает с лестницы. А потом все обрывается.

* * *

Боль — вот первое, что чувствует Тува, очнувшись. Если она лежит, то очень неудобно. Тува сглатывает и прокашливается. Во рту сухость. В следующий момент она понимает, что больше не лежит, а стоит на коленях, слегка наклонившись вперед. Стены давят со всех сторон. Сверху — потолок, касающийся ее голого затылка. Туву как будто заперли в тесном ящике.

И это слишком больно, чтобы быть сном. Это не может быть явью, но тем не менее... Запах древесины слишком реален. Свет проникает сквозь короткие узкие отверстия и ложится прямоугольниками на ее голые руки и ноги... Голые? С какой стати? Куда подевалась одежда? На Туве нет больше не только пуховика, но и шерстяного пуловера и джинсов.

Ее раздели, оставили в одной майке и трусах, и это, конечно, не всерьез. И этот химический привкус во рту... Должно быть, в кофе что-то добавили, а она так нервничала, что ничего не заметила. Выпила все без остатка.

Нагнетание адреналина по всему телу ощущается покалываниями в коже. Она должна отсюда выбраться. Тува кричит и давит на стенки ящика изо всей силы.

— Выпустите меня отсюда! Что вы делаете?

Ответа нет, но Тува чувствует чье-то присутствие. Слышит дыхание. Она снова кричит; тишина остается все такой же непроницаемой и зловещей.

Покалывания распространяются по всему телу, и Тува бьет в деревянную стенку с новой силой. Насколько это возможно в такой тесноте.

— Чего ты хочешь? — Глаза застилают слезы. — Выпусти меня, пожалуйста, давай поговорим. Мне нужно забрать Линуса.

Тува косится на свои руки. Стекло на часах разбито, и стрелки показывают почти три часа. Матти, наверное, уже звонил. Ищет и не может понять, куда она запропастилась. Он скоро объявится здесь и найдет ее в этом ящике... или... Тува ведь приезжала за Линусом и позже, поэтому Матти может ничего не заподозрить.

Никто не ищет и не знает, что ее похитили.

Похитили — это слово быстро заполняет собой ее мысли, так что становится трудно дышать. Металлический звук сразу за деревянной стенкой заставляет Туву вздрогнуть.

— Эй! — зовет она.

В нижней прорези слева появляется что-то блестящее. Это похоже на лезвие меча, и оно медленно входит в ящик. Тува пытается отодвинуть бедро от стенки, но здесь слишком тесно. Острие касается бедра и давит на кожу. Это довольно больно, хотя на ощупь оно и не такое острое, каким выглядит.

— Эй, что ты делаешь? — кричит Тува. — Прекрати!

Острие продолжает давить, а потом протыкает кожу, и на ней проступает капелька крови. Это пробное движение. Тува снова кричит, не разбирая собственных слов. А потом давление внезапно ослабевает, и лезвие отступает на несколько сантиметров.

Такой звук, будто заводится мотор. Лезвие начинает вибрировать, снова продвигается вперед и на этот раз не останавливается, коснувшись ее ноги. У Тувы темнеет в глазах, когда оно вонзается ей в бедро. Потом лезвие входит в мышечную ткань — и крик заглушает шум мотора.

В глазах сплошной взрыв цветных пятен. Нервные окончания горят. Мир вокруг исчезает, остается только боль.

Лезвие снова подходит к бедру, и его вибрации передаются позвоночнику, а потом и всему телу. Туву тошнит — на бедро и окровавленное лезвие, которое скользит по кости, разрывая толщу мышц, и выходит с другой стороны. Кровь пульсирует, проталкиваясь фонтанчиками из новых

отверстий. Стекает, обволакивая кость, и собирается в лужу внизу. Но оно не останавливается. Лезвие медленно продвигается к другой ноге.

Тува все еще не может двигаться.

— Прекрати, прошу тебя, — всхлипывает она. — Мне нужно забрать Линуса из детского сада. Я опоздала. Он совсем один.

Когда лезвие достигает другой ноги, Туве кажется, что она готова к боли. Но к этому нельзя быть готовой, и она хрипит и хочет сойти с ума, впасть в беспамятство — только бы ничего этого не чувствовать. Это продолжается несколько секунд — целую вечность. Тува больше ничего не видит. Искромсав обе ее ноги, лезвие исчезает в отверстии в противоположной стене. Вибрации прекращаются, но гул мотора остается.

Что-то колет сзади в плечо, и та часть Тувы, которая была ее сознанием, умирает. В мозгу что-то взрывается, Тува ощущает это почти физически. Потому что, конечно же, отверстия есть и у нее за спиной. Тува пытается нагнуться, увернуться от лезвия, но при малейшем движении боль в бедрах вспыхивает с новой силой. Тува больше не здесь. Она в роддоме... или в кафе, где чудом получила работу. Флиртует с Даниэлем, смотрит в глаза Мартину, который признается ей в любви. Она слышит, как рвутся на спине мышцы и хрящи, и думает о том, что Линус называет Матти папой.

Опустив глаза, Тува видит, как натягивается кожа под ключицей, прежде чем лезвие выйдет со стороны груди. Это похоже на трюк. Как будто Тува — ассистентка иллюзиониста, и зал вот-вот разразится аплодисментами. Она не раз видела такое по телевизору.

Кровь заливает грудь, пропитывая майку, и лезвие исчезает в отверстии в противоположной стенке ящика. Пространство заполняет собой металлический запах.

Голубые глаза Линуса — *мама, где ты?*

Когда Тува пытается ответить, из горла вырывается что-то похожее на писк.

— Я опоздала, милый... опоздала...

За стенкой что-то шевелится. В одном из отверстий темнеет, а потом появляется третье лезвие и останавливается сантиметрах в двадцати от ее головы.

— Только не это... — шепчет Тува.

Лезвие движется медленно, но расстояние слишком мало. Тува видит, как блестит острое, которое приближается к глазам, мешая сфокусироваться.

Линус, прости. Мама любит тебя.

Она вздрагивает, когда лезвие касается внутреннего угла правого глаза. Что-то стекает по щеке, и Тува понимает, что правого глаза больше нет. Но это неважно. Главное, ей больше не больно.

Почему здесь так пахнет паленым?

Это последняя мысль Тувы.

А потом лезвие входит в мозг.

Март

Винсент изо всей силы хлопнул ладонью по столу. Публика затаила дыхание. Он наморщил лоб, выдержал паузу и повернулся к залу. Рука снова поднялась и опустилась, с хрустом сминая бумажный конверт, который Винсент с нервным смешком смахнул на пол.

— Номер пять, — объявил Винсент. — И здесь его тоже нет.

Луч прожектора вырывал из погруженной в темноту сцены стол, за которым сидел Винсент, и стоящую перед ним женщину. Контраст света и тени подчеркивал драматичность момента. В зале стало тихо.

Шоу вступило в последний этап, на котором не предполагалось даже музыки. Тишина нагнетала нервозность. С самого начала на столе лежали пять пронумерованных конвертов, два из которых, смятые, уже валялись на полу.

— Еще три. — Винсент поднял глаза на женщину. — Не смотрите на них, Мадалена, иначе я буду следовать движениям ваших глаз. Лучше подумайте о том, под каким

из них может быть гвоздь. Вы ведь одна это знаете. Публика не видела, куда вы его спрятали, я тем более. Три конверта, Мадалена, три. Вспомните, каким острым был этот гвоздь, когда вы трогали его пальцем. Вспомните — не более того.

Женщина вспотела. В луче прожектора жарко, а она нервничает не меньше, чем зрители. Если не больше. Винсент вглядывается в ее лицо.

— Вы не отреагировали на слово «три», хотя я повторил его трижды. Так что, думаю, он не там.

Винсент хлопнул по конверту под номером «три» прежде, чем публика успела понять, в чем дело. Несколько человек вскрикнули, не выдержав напряжения.

Оставалось еще два, и шансы Винсента причинить себе боль возросли до пятидесяти на пятьдесят. Он все еще не знал, зачем продолжает выступать с этим номером. Все, кто это делал, рано или поздно плохо заканчивали. Это было неизбежно, если повторять номер много раз. Но публика не видела, что Винсент взволнован по-настоящему. Иллюзия полного контроля — важная часть трюка.

— Остались номера два и четыре. — Винсент посмотрел на женщину. — Представьте себе этот гвоздь... все двадцать сантиметров.

Женщина прикрыла глаза и кивнула.

— Вспомните, как он блестит, если поставить его вертикально. И он под одним из этих конвертов. Под тем, по которому я не должен ударить.

— Я уже не уверена, что помню это точно, — прошептала женщина.

Винсент изогнул бровь. Тишина в зале достигла такой плотности, что ее можно было резать ножом. Два конверта. Винсент занес руку над одним из них, потом над другим. Какой-то из них означал бурные овации. Другой — пронзенную гвоздем ладонь и срочную госпитализацию на «Скорой».

— Откройте глаза, — обратился он к женщине.

Та, неохотно подчинившись, сощурилась на конверты. Винсент вглядывался в ее лицо. Потом снова занес руку для удара, но, заметив, как расширились глаза женщины, в последний момент изменил направление движения и хлопнул по другому конверту.

Женщина закричала одновременно с хлопком. Винсент замер на несколько секунд, склонившись над столом. После чего торжествующе смял конверт и поднял оставшийся.

Направленный острием вверх, гвоздь блестел, как копье, в холодном свете прожектора. Публика загудела и вскочила с мест. Грянула музыка. Подписав гвоздь перманентным фломастером, Винсент протянул его женщине, лицо которой выражало явное облегчение. Она удалилась, ведомая под руки помощником, а Винсент встал на краю сцены и хлопнул в ладоши. Радость его была неподдельной.

Представление в театре Евле завершилось громовыми аплодисментами. Винсент раскланялся и устремил взгляд куда-то поверх зала, в дальний его конец.

Движущийся свет над морем аплодисментов ослепил его. Винсент не видел зрителей, но вел себя так, будто различал каждого в отдельности. Трюк состоял в том, чтобы, направив взгляд прямо перед собой, сфокусировать его, будто смотришь кому-то в глаза. Там, в темноте, невидимые, стояли 415 человек и аплодировали ему, Винсенту Вальдеру, мастеру-менталисту.

— Спасибо, что пришли, — прокричал он, перекрывая шум.

Аплодисменты усилились. Переполненный до краев зал бушевал.

Хороший вечер. Ее не было, поэтому Винсент и оставался таким спокойным. Вечера, когда ее лицо не мелькало среди публики, давались ему легче, нежели он сам решался себе в этом признаться.

Винсент поборол искушение загородиться от света ладонью, чтобы их видеть. В конце концов, он трудился в поте лица только ради таких моментов. Не говоря о том,

что его тело все еще держалось в вертикальном положении только благодаря адреналину. 415 мест, 41 и 5–46, — ровно столько, сколько ему исполнится лет через несколько недель.

Хватит.

Сегодня он едва не напоролся на чертов гвоздь, и это был последний номер почти двухчасового шоу. Пот бежал по спине ручьями, мозги вскипали.

Секрет, как уже говорилось, состоял не в том, чтобы предсказать поведение публики или создать впечатление, будто он умеет читать их мысли. Главная иллюзия состояла в том, чтобы выглядеть невозмутимым, когда мозги крутятся на полную катушку. Театральная афиша представляла его как «мастера-менталиста», и он жалел, что в свое время не потребовал изменить текст. Слишком неумно... вульгарно. С другой стороны, это то, за чем так удобно прятаться. Можно представить себя вымышленным персонажем. Не каждому захочется лежать на спине в течение десяти минут, прислушиваясь к звуку собственного дыхания. А теперь, когда все позади, важно взять под контроль свои мысли, прежде чем они успеют ускользнуть в собственном направлении. Сегодня это заняло у него больше времени, чем обычно.

«Контроль» — слово из восьми букв. Ровно столько, сколько рядов на балконах.

Хватит, прекрати.

Винсент поднял глаза к первому балкону, где сидели те четверо, которых он заставил забыть собственные имена в первом акте. 23 места на каждом уровне — всего 184.

На балконе кто-то засвистел.

Стоп, Винсент. Дыши глубже и не додумывай эту мысль до конца. 184 места. Восемнадцатое в четвертом ряду. Восемнадцатое апреля — последний день гастролей.

По 23 места в ряду. 8 рядов. $2+3+8 = 13$ — столько вечеров ему осталось отработать.

Прекрати, прекрати, прекрати...

Винсент прикусил язык. Поклонился в последний раз и пошел со сцены. Остановился за бархатной кулисой, напротив боковой комнаты, и начал отсчитывать про себя. Один... Если на счет «десять» аплодисменты не стихнут, он снова выйдет на поклон. Два... В полумраке боковой комнаты мелькнула тень — женщина лет тридцати с небольшим. Три... Струйка пота на спине стала ледяной. Она все-таки пришла. Четыре... Просто на этот раз не стала дожидаться окончания представления, чтобы выбежать на сцену. Пять... Но как она пробралась за кулисы? Никто не может находиться здесь во время выступления. Тому, кто пустил ее сюда, придется за это ответить.

Винсент просил присматривать за этой женщиной, но с тем, чтобы мешать ей, а не помогать. Шесть... Теперь он, по крайней мере, знает, как она выглядит. Темные волосы убраны в «хвост». Пуловер... Семь. Глаза, приоткрывшиеся еще на несколько миллиметров перед тем, как она собиралась заговорить. Винсент понятия не имел, насколько она опасна... Восемь. Он делает ей знак замолчать и показывает большим пальцем в сторону сцены, давая понять, что еще не закончил. Может, здесь есть какой-то другой выход? Девять... Винсент пытается не думать о ней. Делает глубокий вдох, улыбается... Десять — и он снова выходит под лучи софитов.

— Спасибо, спасибо, дорогие мои... Понимаю, что вам хотелось бы оставаться здесь как можно дольше, но, боюсь, пора возвращаться. Действительность ждет вас. И если у вас возникнут проблемы со сном после сегодняшнего вечера, помните — это шутка, и не более того... — Винсент сделал паузу. — Можно сказать и так.

Публика рассмеялась — громко и немного нервно. Винсент тоже не смог сдержать улыбки. Это срабатывало каждый раз. Винсент поспешил за кулисы — хотя это было последнее, что ему хотелось сделать, — прежде чем зрители устремились в проходы между рядами. Артисту не годится задерживаться на сцене, когда публика уже покидает зрительный зал. А если они оставили в гардеробе